

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 330.8

Л. С. Бляхман, Е. Г. Чернова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА РОССИИ К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Введение

В статье рассматриваются три основные проблемы: 1. Сущность современной образовательной политики с учетом двойной роли образования как сферы услуг, связанной с рынком труда, и как нерыночной базы национальной культуры. 2. Мировой опыт реформирования образования. 3. Тенденции развития, проблемы и пути реформирования российской системы образования в условиях перехода к инновационной экономике.

Проблемам реформирования образовательной политики в последние годы посвящен ряд монографий, изданных ведущими университетами США, Великобритании, ФРГ и других стран. В России эта проблема наиболее активно исследуется в ГУ—ВШЭ (ректор Я. И. Кузьминов) и в НИИ образования этого университета.

Леонид Соломонович БЛЯХМАН — д-р экон. наук, главный научный сотрудник кафедры экономики предприятия и предпринимательства СПбГУ. В 1953 г. окончил экономический факультет ЛГУ. В 1956 г. защитил кандидатскую, в 1964 г. — докторскую диссертации. С 1953 г. преподает на факультете. Подготовил более 100 кандидатов и докторов наук. Является почетным профессором Казахского экономического университета им. Т. Рыскулова. В 1995–2012 гг. — эксперт Межпарламентской ассамблеи СНГ. Научные интересы — теория структурных и хозяйственных реформ, экономика НТП, экономика и социология труда. Автор более 350 научных работ, соавтор и научный редактор более 30 монографий по проблемам научно-технической революции, экономики науки, хозяйственных реформ, экономики предприятия, экономики труда. Ряд работ опубликован на немецком, польском, английском языках.

Елена Григорьевна ЧЕРНОВА — д-р экон. наук, проректор СПбГУ по обеспечению работы факультета международных отношений, факультета политологии, факультета социологии и экономического факультета. В 1976 г. окончила экономический факультет ЛГУ (СПбГУ). В 1981 г. защитила кандидатскую, в 2011 г. — докторскую диссертации. Стажировалась в университетах Франции, Германии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга. Читала лекции по проблемам экономики переходного периода в университетах Бордо-1, Ренн-2 (Франция). Сфера научных интересов — слияния и поглощения, интеграционные процессы, корпоративные финансы. Автор более 70 научных работ, среди них два учебника и четыре монографии.

© Л. С. Бляхман, Е. Г. Чернова, 2012

Образование — ключ к экономике знаний

Образование — приоритетный сектор инновационной экономики, осуществляющий обучение, воспитание культурных ценностей и социализацию населения (освоение правил жизни, работы и продвижения в современном обществе). Образование представляет собой единство *преподавания* (teaching), качество которого зависит от квалификации профессорско-преподавательского состава (ППС), материально-технической базы, технологии и методов образования, и *обучения* (learning) — освоения знаний, умений и навыков поведения, во многом определяемого составом учащихся, их предварительной подготовкой, способностями и мотивами обучения.

Как система образование включает в себя следующие виды: 1) дошкольное и внешкольное; 2) школьное; 3) начальное и среднее профессиональное; 4) высшее профессиональное; 5) постдипломное профессиональное и повышение квалификации; 6) непрерывное пожизненное. Высшее образование в развитых странах стало практически всеобщим. Оно предполагает обучение в коммунальных колледжах в течение 2 лет после 11–12-летней школы, бакалавриате, магистратуре и аспирантуре-докторантуре.

Доклад о новых задачах образовательной политики, о необходимости радикального изменения системы образования в современном мире с учетом интересов всех социальных групп и растущей стоимости обучения был представлен Международному политологическому конгрессу еще в 1973 г. [1]. Как показали последние исследования Гарвардского университета [2], главное изменение — переход от традиционного преподавания и заучивания информации к освоению методов самостоятельного поиска, систематизации и применения знаний. Это предполагает использование новых возможностей педагогики, связанных с развитием цифровых технологий (digital techno-loggias), единством преподавания и индивидуального освоения знаний (teaching — learning change), соотношением обучения и использования знаний, при котором приобретаются практические компетенции, навыки организации работы и поведения в обществе (knowledge-based organizational learning), переходом от формального преподавания к освоению системы знаний о современном мире (multiple meanings of our world) с учетом особенностей различных этнических и социальных групп [3].

В работе гарвардских исследователей особое внимание обращается на возрастание роли социальных сетей в образовании. Эти сети создают межвузовские команды ППС, улучшают инновационный климат в регионе, помогают оценить реальный рейтинг учебных заведений [4], но в то же время нередко помогают объединению террористов, экстремистов и других асоциальных элементов, торговле дипломами и тестовыми материалами.

Реформа образования вызвана тремя главными обстоятельствами. Во-первых, мировая экономика приближается к пределу использования природных ресурсов, что требует перехода к экономике знаний [5; 6], где все граждане имеют доступ к образованию, принятию политических решений и контролю их выполнения. Образование в течение всей жизни дает им умение самостоятельно осваивать систему знаний, ограничивать безудержный рост престижного потребления, характерный для капитализма XX в., когда рынок производителя превратился в рынок потребителя. Первым этапом создания информационного общества, экологического капитализма признана инновационная экономика, при которой основой роста общественного богатства стал нематериальный капитал — социальный, человеческий, организационный, инновационный,

производство общественных благ с преобладающим внешним эффектом. Образованные люди резко увеличивают потребление этих благ, которые не производятся рыночной системой и поэтому финансируются за счет налогов [7, с. 298].

В докладе «Пределы экономического роста» (1972 г.), подготовленном специалистами Массачусетского технологического института, исследование модели, включающей пять параметров (численность населения, производство продуктов питания, истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, развитие индустрии), позволило прогнозировать динамику переменных системы «население — капитал». Устойчивость социально-экономической системы с тех пор резко снизилась из-за самого быстрого в истории роста численности населения (за время жизни людей 1950 года рождения и моложе — втрое, до 7 млрд человек) за счет стран третьего мира, обострения проблем голода, чистой питьевой воды и экологической деградации, роста энерговооруженности, истощающего невозобновимые ресурсы, и отходов, которые уже не в состоянии поглотить природа. Моральные и духовные ценности человечества может возродить только новая система образования, позволяющая людям посмотреть на себя со стороны.

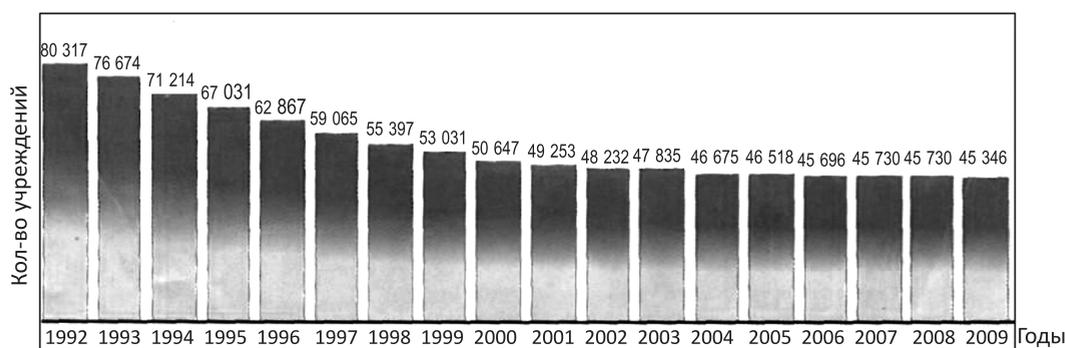
Во-вторых, и это особенно касается России, политику начинает определять относительно многочисленное поколение 1980–1990 годов рождения, которое выросло в условиях самого быстрого за историю России роста доходов. Средний класс (его доля, по разным оценкам, достигла 20–30%) отличается гораздо большим разнообразием потребностей, предъявляет новые требования к качеству услуг, особенно образовательных, и готов платить за их современный уровень. Молодое поколение имеет принципиально иной уровень информированности. По оценке *TNS Gallup*, в 2012 г. Интернет использовали 70,8 млн россиян в возрасте старше 12 лет, 53% из них имеют три и более точек доступа, более 35 млн ежедневно посещают социальные сети, 28 млн получают в Интернете информацию.

В-третьих, Россия пока еще не может перейти к инновационной экономике, так как сектор науки (расходование денег на создание новых знаний) намного превосходит сектор инноваций (зарабатывание денег на освоении новых знаний). Развал отраслевой науки в 1990-х годах привел к тому, что почти все инновационно способные научные идеи были вывезены из России их носителями. России необходима новая индустриализация, т. е. воссоздание традиционных наукоемких отраслей (электроники, приборостроения, точного машиностроения), повышение наукоемкости добывающих отраслей, АПК, строительства, сооружение предприятий новых отраслей (нано, био, новые физико-химические и информационные технологии). Эти отрасли, для которых образование должно подготовить новые кадры, создадут спрос на инновации, а без него бурный рост расходов на науку приведет к экономическому эффекту лишь за рубежом, где создана инновационная экономика.

Образовательная политика — комплекс мер по созданию и применению новых образовательных и профессиональных стандартов, стратегическому планированию, многоканальному финансированию, лицензированию и оценке качества образовательных услуг, рационализации структуры учебных заведений. Эту политику уже нельзя назвать государственной, поскольку ее субъектами являются также и местное самоуправление, ассоциации работодателей, саморегулируемые профессиональные и общественные организации, представляющие интересы учащихся и их родителей.

Главная проблема современной образовательной политики — учет двойной роли образования как рыночной отрасли, которая должна удовлетворить спрос на рынке труда и не может ограничиться бюджетным финансированием, и как сферы социальных услуг, производящей нерыночные общественные блага. Как отметил В. В. Путин, Россия нуждается в возрождении престижа рабочих профессий, создании системы профессиональных стандартов и базы данных членов профессиональных ассоциаций, расширении участия рабочих в управлении предприятиями. Из-за растущего неравенства и социального расслоения, низкого качества услуг образование не выполняет и свои социальные функции, не обеспечивает социальный лифт — развитие и эффективное использование способностей граждан независимо от их социального происхождения [8].

В России более 47 тыс. школ, но многие из них расположены в старых, некомфортных зданиях. За 20 лет число школ в селах сократилось на 24%, что способствовало их деградации. Подвоз детей в районные школы затрудняет плохое качество дорог. Зимой из автобусов нередко высаживают детей далеко от их домов, так как по дорогам нельзя проехать. Резко сократилось число дошкольных учреждений — в период 1992–2009 гг. с 80 317 до 45 346 (рисунок). Формально образование остается бесплатным, но фактически имеет место теневая платность. По оценке ГУ–ВШЭ, более половины родителей платят за дополнительные уроки, кружки, секции, спортивные занятия и т. д.

Количество дошкольных учреждений в Российской Федерации.

Источник: [9, с. 30].

В 2011 г. впервые за последние годы на 2% увеличилось количество первоклассников. В связи с ростом рождаемости ожидается дальнейшее расширение школьного контингента. До 2020 г. образовательные учреждения, в том числе дошкольные и послевузовские, освобождены от уплаты налога на прибыль. Они получили (при штате не менее 15 сотрудников) право на автономию, т. е. на самостоятельное управление доходами, причем основной доход планируется по нормативно-душевой системе. Повышение зарплаты учителей до среднего уровня в регионе поможет поднять престиж профессии, остановить деградацию педвузов, нехватку квалифицированных учителей, особенно мужчин, разрыв между элитными платными гимназиями и обычной школой.

Поправки в закон «Об образовании» позволят использовать программы электронного, в том числе дистанционного, обучения в качестве основных среди всех форм обучения. Специальный портал в Интернете позволит доставлять учебные материалы

(тексты с иллюстрациями, задачи на повторение, тесты) с учетом индивидуальных предпочтений. В 2012 г. в мире дистанционно обучалось более 50 млн человек. По данным *Smart Inform*, в США 51% образовательных услуг оказывается через Интернет, причем каждые 3–4 минуты от студента требуется обратная связь. Крупные образовательные компании нанимают тьюторов в различных странах и обслуживают студентов в самых отдаленных регионах.

Мировой объем продаж электронных книг, по данным *PricewaterhouseCoopers*, растет на 50–60% в год и превысил 2 млрд долл. Втрое увеличилась продажа ридеров (устройств для чтения электронных книг), *Amazon* и другие ТНК продают их больше, чем книг в бумажном переплете. Однако в России в 2012 г. не было ни одного федерального онлайн-университета. Часть IV Гражданского кодекса требует специального разрешения автора на интернет-продажи. Издания незаконно скачиваются, соответственно увеличивается плагиат. Из-за высоких цен электронные книги к 2011 г. составляли только 0,25% оборота книготорговли.

Реформирование системы образования означает подготовку кадров, способных не только к исполнительской, но, прежде всего, к творческой деятельности по созданию, поиску и использованию новых знаний (*Knowledge worker*) [10], в том числе вдали от офиса. Они предъявляют новые требования к содержанию и условиям труда [11], системе стимулирования, разрешению конфликтов в коллективе [12]. Новые образовательные стандарты включают новые методы развития человеческого капитала как совокупности нравственных ценностей, знаний, навыков и норм поведения. В литературе представлены многоуровневые модели ресурсов (*multilevel model of human capital resource*), методы оценки и защиты инвестиций в этот капитал на микро-, мезо- и макроэкономическом уровне (*valuation methods of investment in human capital*), новые стандарты профподготовки с учетом творческого компонента (*thinking skills*) [13].

В российской литературе исследуется новая модель человека в современной экономике [14], роль образования [15] и социальной инфраструктуры в развитии человеческого капитала [16], его инновационная составляющая [17].

Китай, где в 1949 г. 80% населения было неграмотно, в 2010 г. по рейтингу ОЭСР занял первое место среди школьников 65 стран по математике. Благодаря активной государственной политике в 1965–2011 гг. число вузов выросло с 434 до 2958, среди них 1569 — муниципальные училища, 676 — частные. Около 30 ведущих университетов управляются из центра. По потоку научных публикаций Китай занял второе место после США [18].

Высшее образование России: проблемы и решения

За последние 20 лет в российской системе образования, как основе культуры, не имеющей стоимостной оценки, в которой учатся и работают 38 млн человек, произошли принципиальные изменения.

1. Прежде всего следует выделить рост доступности и массовости высшего образования. Число лиц с высшим образованием, по данным переписей, в 2002–2010 гг. выросло на 41% — с 19,4 до 27,5 млн человек, а занятых послевузовским образованием — почти вдвое, с 369 до 707 тыс. человек. По данным Я.И. Кузьмина, высшее образование имеют 57% граждан в возрасте 25–35 лет, что соответствует уровню Японии,

Канады, Ю. Кореи и превышает показатели США и Франции (41–42%). До 88% граждан хотят, чтобы их дети окончили вуз, 60% готовы за это платить [19].

Количество вузов в 1990–2012 гг., по данным Росстата, выросло с 514 до 1090 (больше, чем в США), среди них 485 частных. Особый статус имеют МГУ, СПбГУ, 8 федеральных и 29 национальных исследовательских университетов. Численность студентов в 1993–2011 гг. увеличилась с 2,6 до 7,4 млн человек, из них 5,7 млн — в государственных и муниципальных вузах, 2,6 млн учатся за счет бюджета. Количество платных студентов в 2006–2011 гг. выросло незначительно: с 3,14 до 3,23 млн человек. При этом расходы государства на высшее образование увеличились за эти годы более чем втрое — до 389 млрд рублей.

Даже в слабых вузах студенты получают навыки коммуникации и социализации, необходимые для работы в сфере услуг, куда направляется основная масса выпускников. Более 85% опрошенных в 2012 г. *Carrier.ru* сочли, что обучение в вузе помогло формированию их самостоятельности, целеустремленности, умению доводить дело до конца, но только 20% оценивают полученные знания как достаточные для работы. По оценке С. Гуриева и О. Цывинского, доходность личных инвестиций в образование выросла за 20 лет за счет повышения оплаты труда с 5 до 10% (в США для бакалавров с 5–7 до 9–11%) [20].

2. Система ЕГЭ при всех ее недостатках усилила конкуренцию вузов за абитуриентов, привела к увеличению мобильности, числа иногородних студентов в Москве, Петербурге, Новосибирске и других университетских центрах (в СПбГУ, ГУ—ВШЭ с 25–30 до 50–60%). Целесообразно введение разноуровневого ЕГЭ применительно к избранному профилю обучения и с учетом внеучебных достижений. Это позволит сдавать экзамен после окончания изучения соответствующих предметов в школе. Компьютеризация ЕГЭ приведет к увеличению числа вопросов по каждому уровню с нескольких десятков до многих тысяч, что сделает невозможным зазубривание ответов.

3. Усиливаются такие тенденции, как дифференциация образования, использование авторских программ, основанных на компетентностном подходе, т. е. развитие способностей не к заучиванию материала, а к самостоятельному решению проблем на базе освоенных знаний и опыта. Сколковский автономный университет реализует созданную в Массачусетском технологическом институте образовательную программу, соединяющую науку и менеджмент по принципу «придумай, спроектируй, реализуй, управляй» (*conceive, design, implement, operate — CDIO*).

4. Переход от твердого сметного к нормативно-душевому финансированию усилил конкуренцию на рынке образовательных услуг. В Москве в 2012 г. 82 школы не смогли набрать ни одного первого класса, а 32 школы получили более 200 заявок. Это слелало необходимым объединение отстающих школ с успешными со сменой руководства. Такая же судьба ждет большинство слабых вузов.

5. Россия вошла в мировой рынок образовательных услуг на базе присоединения к Болонской системе. Отъезд молодежи на обучение за рубеж сделал исключительно актуальным создание условий для привлечения креативных работников в Россию.

6. Развиваются дистанционное обучение и методы преподавания с учетом возрастающей роли внешних источников информации (Интернет, мобильные телефоны, гаджеты и т. д.). В 2012 г. Гарвардский университет и Массачусетский технологический институт представили революционный проект свободного, бесплатного и доступного дистанционного обучения, к которому предполагается привлечь до 1 млрд студентов,

в том числе очников. В соответствии с программным обеспечением предлагаются не видеокурсы лекций, а система дистанционных уроков, тестов и контроля всего поведения студентов в процессе обучения со стороны специально подготовленных преподавателей.

7. Ликвидация единой тарифной сетки и расширение самостоятельности вузов в поощрении ППС привело, по данным Минобразования, к увеличению их средней зарплаты в 2008–2012 гг. в 1,7 раза (с 19,1 до 21,7 тыс. рублей), а других сотрудников — в 2,2 раза (с 10,8 до 23 тыс. рублей). В школах Москвы введение доплат за качество обучения и внеурочную работу привело в 2012 г. к росту средней зарплаты с 38–40 до 50 тыс. рублей в месяц. При этом академическая нагрузка учителей составляет 700 часов в год (в США — 943 при зарплате около 38 тыс. долл. в год, в Ю. Корее и Японии — 1200 часов).

К 2018 г. средняя зарплата ППС, использующего современные технологии, ведущего научную работу и преподающего в магистратуре и аспирантуре, должна вдвое превысить региональную за счет трех источников — бюджета, внутривузовских ресурсов, в том числе сокращения доли оплаты административно-управленческого персонала с 50 до 40%, и повышения платы за обучение по контракту до бюджетного уровня, т. е. в 1,5–2 раза.

По данным Института высшего образования ГУ—ВШЭ, для современного этапа развития образования характерны новые тенденции. Сокращается абсолютное число абитуриентов, а с 2013 г. — бюджетных мест, особенно по гуманитарным специальностям. В 2008–2012 гг. количество студентов дневного отделения уменьшилось на 3%, а вечернего — на 15%. В результате укрупнения по секторальному, а не отраслевому признаку количество вузов изменилось с 1134 до 1080, а к 2020 г., по прогнозу, составит не более 600. Более ста вузов в 2011 г. не смогли заполнить бюджетные места, в то время как конкурс в ведущих университетах достигал 10–15 человек на место. Объединение с более сильными университетами при условии анализа всех плюсов и рисков позволит гарантировать студентам высокое качество обучения. Так, на базе трех вузов создается Северокавказский федеральный университет (37 тыс. студентов), где открываются новые направления (теология, исламоведение, развитие курортов).

Существенно расширилось участие исследовательских и федеральных университетов в инновационно-инвестиционных проектах. СПбГУ приобрел современное оборудование для тринадцати ресурсных центров, куда нередко возвращаются специалисты, ранее уехавшие за рубеж. Исследовательские проекты формируются на основе открытого конкурса, экспертами выступают ведущие зарубежные ученые.

Однако в целом качество высшего образования не соответствует инновационным требованиям. По оценке В. Л. Иноземцева, «хорошее образование в России — миф». Выделяются следующие наиболее острые проблемы [21].

1. *Низкий образовательный уровень абитуриентов.* За 7 последних лет число выпускников школ сократилось с 21,1 до 13,2 млн человек, а студентов — выросло почти втрое. В России в вузы поступают 90%, а в странах ОЭСР — 45% оканчивающих школу. В России весьма низкий порог оценок по ЕГЭ — для поступления в вуз в 2011 г. было достаточно получить 21 балл по математике и 36 по русскому — «удовлетворительно с минусом». Поступило более 96% абитуриентов (в Германии — 82,6%). В России получает диплом основная масса поступивших в вуз (в США — 42%, в Великобритании — 59%). Работают по специальности через три года после окончания вуза менее

половины (в педвузах — 5%) выпускников (в США — 94% окончивших бизнес-школы, 86% — инженерные и 76% — аграрные вузы). Расходы на обучение одного студента в России вдвое меньше, чем в ФРГ.

Теневой вузовский рынок ГУ—ВШЭ оценивает в 5,5 млрд долл. Он включает взятки при проведении ЕГЭ, «липовые» справки для льготного зачисления, сдачу экзаменов и курсовых работ за плату, плагиат при скачивании материалов из Интернета. Характерен пример медицинского института им. Н. И. Пирогова в Москве, где 626 из 709 абитуриентов оказались «мертвыми душами», на место которых предполагалось зачислить студентов за плату. Обман был раскрыт частным лицом, а не надзорными службами Министерства.

Для решения этой проблемы необходимо ввести порог оценки по ЕГЭ, ниже которого зачисление в вуз будет невозможно, независимую оценку знаний выпускников, полную публикацию и открытую информацию по данным федеральной базы результатов ЕГЭ, базы участников всех конкурсов, видеопротоколов проведения ЕГЭ и обработки данных.

Теневая система образования характерна для многих стран [22]. В Ю. Корее и Гонконге услугами платных репетиторов пользуются 80% школьников, в Литве — 62, в России — более 50, а в странах Скандинавии — лишь 3–4%. Здесь нет резкого различия в уровне преподавания в разных учебных заведениях. Образование — базовое право человека, позволяющее ему не только увеличивать свой доход, но по-другому думать и участвовать в жизни общества. В России объем платных услуг в образовании вырос, по оценке ГУ—ВШЭ, в 2000–2010 гг. почти в 8 раз — с 42 до 327 млрд рублей, из них только 78% вносится в качестве легальной платы за обучение. На оплату услуг частных репетиторов, подарки учителям в школах и другие неформальные платежи семьи тратят более 100 млрд рублей. Необходима полная прозрачность всех платежей, система субсидий, грантов и страхование кредитов для тех, кто хочет и может учиться, но не в состоянии платить за услуги.

Неоправданно увеличение доли работников с высшим образованием с 30% в 2011 г. до 40–45% по прогнозу на 2020 г. и более 55% — на 2030 г. Уже в 2011 г. 40% из них работали не по специальности. Оплата и социальный статус не соответствуют их амбициям. При острой нехватке специалистов, способных к инновациям, рост числа дипломированных специалистов, не имеющих должной квалификации и организаторских способностей, угрожает политической стабильности общества. Оценка вузов по новым критериям позволит закрыть или преобразовать многие из них.

2. *Несоответствие структуры образования требованиям рынка труда.* В 1990 г. в России работало более 2600 ПТУ, большая часть из них закрылась. Число техникумов в 1989–2011 гг. сократилось с 1100 до 350, а учащихся в них — с 470 до 120 тыс. человек. По оценке Российского союза промышленников и предпринимателей, к 2017 г. дефицит квалифицированных рабочих составит 85%. Весьма низка доля рабочих, относящихся к среднему классу. Многие заводы, например Челябинский трубопрокатный, создают свои центры подготовки операторов станков с ЧПУ, наладчиков автоматических линий, вальцовщиков, термистов и т. д.

В вузах доля студентов по экономике и праву выросла до 45% (в США она составляет 36,2%, в Германии — 22,5%). Количество юридических вузов выросло за 20 лет с 52 до более 1000, большинство из них не дает студентам нужных знаний и навыков. В результате, по данным В. Л. Иноземцева, лишь менее 50% экономистов и юристов ра-

ботают по специальности (в США — 76%), а 24% — на должностях, которые не требуют высшего образования. Опрос менеджеров по персоналу тысячи компаний, проведенный *Superjob.ru* в 2011 г., показал, что 57% из них не видят у выпускников вузов знаний и навыков, необходимых для современного производства, и предпочитают нанимать людей с опытом работы.

В 2011 г. прием на бюджетные места по гуманитарным специальностям был сокращен, по данным Минобрнауки, почти на 40%, в том числе по экономике и управлению — на 11%, в основном за счет непрофильных вузов, а по информатике, вычислительной технике, естественным наукам — увеличен. Однако из-за слабого спроса сокращается и прием по специальностям машиностроения.

Министр образования и наук Д. В. Ливанов предлагает уйти от всеобщности бесплатного высшего образования, вдвое сократить количество бюджетных студентов, увеличив при этом душевые расходы на обучение с 60 до 259 тыс. рублей. При этом создается система образовательных кредитов, которые работодатель, при соответствующих условиях, может погасить. Главная проблема — переход от репродуктивного (заучивание информации) к компетентностному обучению, выработке умения искать, обрабатывать и использовать информацию. Как отметил Д. В. Ливанов, «мало научить человека работать с конкретными технологиями — ведь после окончания вуза они могут устареть. Главное, чтобы студент научился учиться, воспринимать новое, овладевать информацией и применять эти знания» [23]. Высшее образование должно рассматриваться не только как статусная вещь, знак социального признания, а прежде всего как способ освоения знаний, конкретных умений и навыков.

Повышение конкурентоспособности российских вузов до международного уровня требует: улучшения системы управления; привлечения лучших, в том числе зарубежных, преподавателей, ведущих передовые исследования; создания современной инфраструктуры, включая кампусы; развития сетевых структур, в которые входят участники единого проекта (среди них — студенты и аспиранты), из различных вузов. Обновлен аппарат Министерства образования и науки РФ за счет людей с опытом работы и реальными достижениями в школах, вузах, науке. Полный аудит вузов и научных учреждений, в том числе двух тысяч НИИ вне РАН, позволит освободиться от сотrudников, не имеющих реальных научных результатов.

Образовательные услуги могут быть платными, но образование при этом остается органической частью и основой национальной культуры, не имеющей стоимостной оценки. По прогнозу международных экспертов, доля людей с высшим образованием в инновационной экономике должна составлять не менее 60% всего взрослого населения, а само это образование — оставаться всеобщей, а не элитарной системой. Особую актуальность приобретают удержание и расширение креативного класса, возвращение молодежи, получившей образование за рубежом, привлечение в российские университеты зарубежных специалистов.

Целесообразно создать во всех вузах центры содействия занятости, учитывать трудоустройство по специальности в качестве главного критерия оценки работы вуза, расширить подготовку персонала по заказу компаний, а главное — организовать планирование приема в соответствии с запросами рынка, а не субъективными предпочтениями абитуриентов. Национальная система образования должна базироваться на профессиональных стандартах, определяющих компетенцию специалиста, и аттестации, проводимой профессиональными ассоциациями. Центры оценки и сертифика-

ции квалификации — добровольной и бесплатной — открываются при университетах и крупных компаниях энергетики, машиностроения, фармацевтики, сервиса и туризма, добывающих отраслей, а также в сфере медицины, управления персоналом, юриспруденции, педагогики, информатики.

Целесообразно выделить три вида высших учебных заведений: профессиональные колледжи по массовой подготовке специалистов для региональной производственной системы, институты, выпускающие бакалавров-технологов, менеджеров, экономистов и юристов общего профиля, учителей, социальных работников и т. д., исследовательские университеты, соединяющие подготовку магистров, кандидатов и докторов наук с научно-инновационной деятельностью. Важную роль в национальной инновационной системе играют школы бизнеса, в том числе предпринимательские университеты, где обучаются начинающие бизнесмены, в первую очередь занятые исследованиями, разработками и их коммерциализацией.

Новым типом научно-образовательного комплекса станет консорциум Новосибирского госуниверситета, СО РАН и технопарка, образованного совместно с региональной администрацией. В Новосибирском академгородке действуют 33 НИИ и 9 их филиалов, причем федеральная собственность находится в оперативном управлении СО РАН, а не отдельных учреждений и частных лиц. В Академгородке работают представительства *Intel*, *Shlumberger* и других ТНК.

3. *Недостаточная квалификация ППС.* В 1993–2012 гг. число студентов выросло почти втрое, а ППС — на 56% (с 220 до 342 тыс.). В результате число студентов в расчете на одного преподавателя (15–20) в России в 2,7 раза больше, чем в США. В 1980–2010 гг., по данным В. Л. Иноземцева, в 5,6 раза выросло количество получивших ученые степени, однако они не остаются работать в вузах, где средняя зарплата к 2012 г. (21,7 тыс. рублей) была ниже среднероссийской, а в 56 субъектах РФ — ниже региональной. По образованию в целом она составляла 15 тыс. рублей — лишь 2/3 средней по экономике. В ФРГ средняя зарплата школьного учителя (более 40 тыс. евро в год) в 10 раз выше.

К 2012 г. для бакалавров и специалистов было выделено 437 тыс. бюджетных мест по 110 специальностям, а для магистров — только 53 тыс. В 50 госуниверситетах по ряду специальностей не было бесплатной магистратуры, плата за обучение в МГУ составляет 270–290 тыс. рублей, а в Академии народного хозяйства и госслужбы — до 450 тыс. рублей в год. В странах ОЭСР магистратура открывает путь к научной работе, в Германии, Франции и ряде других стран магистратура практически бесплатна, 85% ППС вузов занимаются научной работой, действует система поиска и максимального продвижения одаренных людей, независимо от их семейного дохода.

В России Фонд поддержки детей, по данным Генпрокуратуры, израсходовал более 70% выделенных ему средств (99% из бюджета) на свою зарплату [24]. Анализ показателей работы аспирантуры и докторантуры указывает на «диссертационную ловушку», препятствующую подготовке ППС, совмещающего научную и преподавательскую работу [25]. По данным ЮНЕСКО, российское высшее образование в 1991 г. занимало 3-е, а в 2010 г. — 29-е место в мире.

4. *Низкий уровень финансирования вузов.* В 2010 г. на обучение одного студента в среднем тратилось 70 тыс. рублей в год. С учетом растущих тарифов ЖКХ, цен на материально-технические ресурсы, повышения оплаты ППС и расходов на стажировку эта сумма должна быть увеличена, по оценке экспертов, до 250–300 тыс. рублей в год,

т.е. в 4 раза. Повышение платы за обучение (в ГУ—ВШЭ оплата бакалавриата достигает 200–450 тыс. рублей в год) блокирует доступность образования. Государство не в состоянии обеспечить должное финансирование бюджетных мест. В 1990–2011 гг. их число в расчете на 1000 выпускников 11-х классов увеличилось в 2,5 раза — со 180 до 438, хотя в расчете на 10 тыс. населения в 1980–2011 гг. сократилось с 219 до 211. Единственный выход — закрытие неконкурентоспособных вузов и создание во всех районах страны коммунальных колледжей для подготовки техников по обслуживанию и ремонту жилищного, медицинского, технологического, коммуникационного и других видов оборудования, а также работников сферы услуг.

5. *Низкая эффективность участия в глобализации.* Глобализация, как подтвердили специальные исследования [26], — закономерное следствие создания мирового рынка человеческого капитала, общих образовательных стандартов, растущей миграции кадров. В СНГ, опираясь на общие культурные традиции, развивается межгосударственное сотрудничество вузов с использованием дистанционных технологий [27]. Согласно концепции государственной миграционной политики, ежегодно в Россию должно привлекаться до 200 тыс. иностранных учащихся.

Подготовленная экспертами «Стратегия-2020» предусматривает ежегодное обучение 2 тыс. ученых и преподавателей за рубежом. МГУ рассчитывает к 2019 г. увеличить число иностранных студентов с 19 до 35%, СПбГУ — с 3 до 10%, Томский университет — с 7 до 10% для студентов из СНГ и с 0,2 до 3% — для дальнего зарубежья, Новосибирский университет с 4 до 10% и с 1,7 до 10% соответственно.

Образовательная миграция должна стать альтернативой неконтролируемому въезду работников низкой квалификации. Для приобретения миграционного статуса и получения российского гражданства необходимо будет окончить российское учебное заведение или сдать экзамен по русскому языку, истории, литературе, основам государства и права. Поощряется приезд в Россию иностранных специалистов. Нужны гранты для возвращения россиян, получивших образование за рубежом (77% из них пока не возвращаются).

В 2012 г. ни один российский вуз не вошел в число 100 лучших по рейтингу *The Times Higher Education*. Это связано с низкой долей иностранных студентов (в России она составляет 3%, в США — 22%, в Германии, Франции, Великобритании — 9–11%) и преподавателей, высоким числом студентов на одного преподавателя, низким уровнем цитируемости и индекса репутации, в том числе среди работодателей, ссылок на сайты вуза в Интернете, престижных международных премий.

Пробелы в законодательстве мешают созданию сети обмена информацией между вузами и их партнерами с открытым контентом, свободным доступом к интеллектуальной собственности и программному обеспечению всей системы распространения знаний. Из-за утраты былой престижности научных знаний в 2007–2011 гг., по данным ВЦИОМ, с 67 до 81% выросло количество респондентов, которые не смогли назвать ни одного российского ученого-современника.

По данным Института демографии и социальных исследований Украины, до 60% студентов готовы покинуть свою страну после обучения в вузах Польши, Чехии и др., где оно обходится недорого (2–2,5 тыс. евро в год вместе с проживанием). В 1991–2011 гг. численность населения Украины сократилась с 52 до 46 млн, до 15% граждан (более 6 млн) постоянно живут за рубежом, а в Украине растет число малоквалифицированных иностранцев. Для решения этих проблем важен зарубежный опыт.

Реформы высшего образования в развитых зарубежных странах

В мире выделяются три системы высшего образования. В континентальной Европе, особенно в северных странах, обучение практически бесплатное. В Германии на бюджетной основе обучаются более 90%, в Финляндии — 100%, во Франции — более 80% (в России менее 40%) студентов. В отличие от России, в этих странах высокая доля практически ориентированного обучения технике, информатике, математике, естественным наукам. Освоение этой системы в России возможно только при резком сокращении числа студентов, готовых поступить в любой вуз и не работать по специальности.

Американская система предполагает высокую плату за обучение, особенно в элитных университетах. Однако и здесь плата за обучение достигает лишь 10–12% вузовских доходов. Более 40% этих доходов за последние 10 лет составляли поступления от эндаумент-фондов, а второе место занимали гранты и пожертвования. В годы кризиса рентабельность этих фондов из-за падения курсов ценных бумаг и цен на недвижимость снизилась с 40 до 5–10%, что заставило поднять плату за обучение, взять кредиты и обратить особое внимание на реализацию инновационных проектов. Для России эта система неприемлема до тех пор, пока не будут организованы образовательные кредиты и распределение выпускников по контрактам с работодателями, согласными погасить эти кредиты при успешной работе выпускника.

Наиболее рациональной представляется комбинированная азиатская модель, при которой обучение дефицитным специальностям остается в основном бюджетным, а для других категорий — платным.

Монографии по экономике высшего образования (в 2011 г. только на английском языке их вышло более 200) рассматривают эту отрасль как ключевую в условиях глобальной конкуренции [28]. По данным бюро переписей в США, в 2001–2011 гг. число граждан, имеющих степень не ниже бакалавра, выросло с 26,2 до 30,4%, в том числе среди белых — с 28,7 до 34%, латиноамериканцев — с 11,1 до 14,1%, афроамериканцев — с 15,7 до 19,9%.

По данным *The World University Rankings*, в 2011–2012 гг. по 13 показателям эффективности университеты и институты США (Гарвард, Калифорнийский и Массачусетский технологические, Принстон, Чикагский, Калифорнийский Беркли, Йель, Колумбийский) входят в первую дюжину в мире вместе с Оксфордским, Кембриджским и Имперским колледжем в Лондоне. Сравнительный анализ [29] показал, что особое значение при этом имеет «академический капитализм» — рациональное соотношение автономии с федеральным и региональным регулированием, позволяющее использовать три примерно равных источника финансирования — плату за обучение, гранты и заказы бизнеса на НИОКР, доходы собственного инвестиционного эндаумент-фонда.

При этом все большую роль играют глобальная экономика знаний, обучение иностранных студентов [30]. Получив инженерное, научное и бизнес-образование, они часто остаются либо сотрудничают с США.

Особое внимание в последних публикациях уделяется использованию достижений цифровой революции и дистанционного обучения [31], которые развивают конкуренцию вузов в глобальном масштабе [32]. В США в колледжи в 2011 г., по данным статистики, поступили более 2/3 выпускников 12-годичной школы, из них магистрами затем становятся 10%, степень доктора наук (PhD) впоследствии имеют 1/3 магистров, но только 10% докторов получают ставку ассистента профессора в университете

и лишь 1/3 — на постоянной основе. Ежегодно 10% преподавателей вузов теряют работу из-за отсутствия научных публикаций или патентов либо низкого рейтинга у студентов. Большинство докторов наук работают в корпорациях, в наукоемком производстве. Оплата при наличии вузовского диплома увеличивается в среднем в 1,5 раза, диплома магистра — еще на 30%, доктора наук — еще в 1,5 раза.

В США, школьники которых отстали по математике и естественным наукам от их сверстников из стран ЮВА и Северной Европы, где средняя школа (например, в Сингапуре) считается престижным местом работы для выпускника университета, а единая система стандартов сближает качество обучения во всех школах (например, в Финляндии), более 20% учащихся оканчивают школы без диплома. При высокой (более 8%) безработице в 2010–2011 гг., по данным *Manpower Group*, с 14 до 52% выросло количество фирм, испытывающих нехватку квалифицированного персонала.

Реформа в США включает удвоение с 2009 г. бюджета Министерства образования, жесткую аттестацию и переподготовку учителей (их средняя зарплата — 31 долл. в час, она зависит от внешней оценки успеваемости учеников), свободный выбор школы и выделение госфинансирования за этим выбором, ежегодную внешнюю оценку знаний учеников, за которой следует закрытие финансирования школ с низким качеством обучения. Аттестация педагогов в Нью-Йорке включает наблюдение независимых экспертов (60%) и оценку итогов экзаменов и тестов (40%).

Реформа предполагает рост конкуренции учебных заведений за абитуриентов и средства бюджета и усиление роли профессиональных сообществ. В 2005–2012 гг. доля участников социальных сетей в возрасте до 29 лет выросла с 15 до 85%. С 1997 г., по данным *Center for Disease Control*, удалось с 30 до 20% сократить количество курящих учеников.

Международные перспективы образовательных реформ связаны со значительным увеличением их финансирования [33]. ЮНЕСКО разработало методику анализа затрат, результатов, денежных потоков и инвестиций как основу планирования образования [34]. При этом в Канаде школы финансирует региональный бюджет, а в США региональное регулирование с помощью ваучеров (нормативно-душевое финансирование муниципальных частных и чартерных школ) дополняется федеральными дотациями (assessment systems) [35].

Значительный интерес для России представляют работы по теории и практике моделирования и планирования высшего образования с учетом его институциональной эффективности [36], демографических аспектов (изменение структуры населения по возрасту, полу, экономической активности) и спроса на рабочую силу (исследование ЮНЕСКО [37]), а также эффективности школьного образования в данном регионе [38] и сравнительного качества обучения в различных вузах (исследование в ФРГ) [39].

При этом лидерство в конкуренции обеспечивает не погоня за прибылью, а публичный маркетинг, учитывающий роль образования как общественного блага [40]. В этой связи исследуются: ответственность вузов за глобальные перспективы доверия и устойчивости общества [41], их роль в преодолении глобальной нищеты и бедности [42], соотношение неприбыльных и коммерческих (for-profit) секторов вузовской бизнес-модели [43].

Плата за обучение в вузах США обходится в среднем в 28,5 тыс. (2012 г.), а в ведущих университетах — до 50 тыс. долл. в год — в 2,5–3 раза выше, чем в России. Однако льготные кредиты, гранты отлично успевающим и малообеспеченным студентам,

афро- и латиноамериканцам, национальные стипендии (их можно получить, сдав с высокой оценкой дополнительные к школьным экзамены), оплачиваемая работа в вузе расширяют доступ к образованию. Долг по образовательным ссудам в 2012 г. превысил 1 трлн долл. [44]. Это больше, чем долг по кредитным картам, в среднем 24 тыс. долл. на одного выпускника. В ЕС используется кредитно-модульная система: кредит (курс знаний) стоит 30–60 евро, которые оплачивают студент, будущий работодатель и образовательные фонды.

Специальные исследования посвящены проблемам институциональной политики по отношению к малообеспеченным студентам [22] с учетом их пола [45]. Однако наибольшее число работ было посвящено проблемам инноваций в высшем образовании [46], кризису отношений агентов (share holder) в традиционных вузах, ориентации студентов на новые образовательные стандарты, возрастанию роли корпоративных университетов, реализующих требования бизнеса, по сравнению с либеральными вузами со свободой выбора дисциплин [47]. Это изменяет соотношение преподавания и самостоятельного освоения знаний (teaching — learning values), повышает роль исследований в вузе [48].

Сравнительный анализ стратегии и качества обучения на основе новой концепции [49] соотношения конкуренции и госрегулирования, репутационной иерархии и рыночного качества обучения в США, Великобритании, Германии, Финляндии, Польше и других странах [50] позволил выявить лучший опыт маркетинга, подбора и расстановки кадров, бюджетирования и формирования организационной структуры современных вузов [51]. Ими чаще всего руководят попечительские советы, председатели которых избираются сенатом (все профессора вуза) и заняты, прежде всего, привлечением в вуз финансовых и материальных ресурсов. Проректоры руководят научной и педагогической работой, а вице-президенты — финансами, кадрами, кампусом, развитием вуза, связями с общественностью. Университет делится на колледжи (институты, школы) с широкой специализацией (наука и искусство, бизнес, инженерия, медицина), а колледжи — на факультеты. Их деканы избираются не больше чем на два срока и решают все вопросы финансирования, включая заявки на гранты и оборудование, подбор и увольнение кадров.

ППС делится на 5 категорий. Докторанты первый год помогают профессору в преподавании и входят в курс работы лабораторий, после защиты диссертаций проходят стажировку (постдок), как правило, в другом вузе, получая зарплату с гранта профессора. Ассистент (обязательно с ученой степенью) после 5–6 лет работы и оценки рецензентами его научной работы, публикаций и рейтинга у студентов продлевает контракт, переводится на другую должность либо увольняется. Доценты (associate professor) — основная часть постоянного штата ППС — при наличии серьезных публикаций и грантов ведут занятия обычно 2 пары, а при их отсутствии — до 7–8 пар в неделю. Через 2–3 года они могут подать на должность полного профессора, который сначала избирается на определенный срок, а затем, при успешной работе, на постоянную позицию. Профессор-исследователь (research professor), а также приглашенные профессора (visiting professor) принимаются на срок гранта или контракта.

Анализ работы 25 ведущих университетов [52] выявил новые тенденции в развитии методов преподавания, оценки работы ППС и ее финансирования. Особый интерес представляют работы о перспективах общего [53], финансового менеджмента и бюджетирования в высшем образовании [54].

Экономический факультет Чикагского университета несколько лет занимает первое место в мировом рейтинге. Это обусловило максимальный конкурс абитуриентов, несмотря на высокую плату и жесткие условия обучения (все курсовые работы проверяются на плагиат, при обнаружении которого студент отчисляется). При этом факультет посылает персональные приглашения лучшим выпускникам школ и имеет развитую систему поддержки малообеспеченных студентов.

Весьма сильна конкуренция среди ППС. При отсутствии успехов в науке и в выполнении бизнес-заказов резко увеличивается учебная нагрузка, а контракт не продлевается. На факультете работает несколько Нобелевских лауреатов, все преподаватели имеют ученую степень.

В бакалавриате нет деления по специализациям, но студенты сами выбирают альтернативные курсы по различным областям экономики (образования, здравоохранения, отдельных товарных рынков, предлагаются курсы криминальной, семейной, древнеримской экономики) и гуманитарного знания (обязательны курсовые работы по истории, литературе, искусству). Один семестр из восьми будущей бакалавр может обучаться в зарубежном вузе.

В отличие от России, где «живут студенты весело от сессии до сессии, которая всего два раза в год», экзамены в Чикагском университете сдаются в течение всего года по окончании соответствующего раздела курса. При меньшем, чем в России, количестве лекций здесь гораздо больше самостоятельных работ при постоянном контакте с профессором по электронной почте. Пройдя жесткий конкурсный отбор, студенты направляются на 10-недельную стажировку в ведущие компании мира, получая при этом оплату, а в перспективе — работу.

В отличие от школы бизнеса, где готовят специалистов по работе с клиентами, партнерами и сотрудниками, экономический факультет Чикагского университета ориентирует студентов на анализ, моделирование и прогнозирование бизнеса. В курсовых работах необходимо: во-первых, обосновать критерии оценки конкурентоспособности исследуемого объекта (товарного рынка, компании или ее структурной единицы); во-вторых, выявить факторы, влияющие на эти критерии; в-третьих, построить соответствующую модель и испытать ее; а в-четвертых, представить предложения по улучшению бизнеса с оценкой затрат, результатов и рисков. Этот опыт целесообразно изучить и освоить российским вузам.

В заключение следует отметить, что образовательная политика является социально-экономической подсистемой. Пока инновации не стали осознанной необходимостью, коренная реформа образования невозможна. Ее основные направления, как показало исследование, — обеспечение всеобщности высшего образования на основе сочетания бюджетного обучения по дефицитным на рынке труда специальностям с платным обучением других категорий. Изменение содержания и методов обучения, а также системы управления образованием должно базироваться на прогнозировании запросов рынка труда, использовании современных информационных технологий, включении коммунальных колледжей в систему высшего образования, развитии университетских комплексов, соединяющих науку, инновации и обучение в течение всей жизни. Реформа образования — ключевое условие создания устойчивой инновационной экономики, соединяющей экономические, социальные и экологические критерии.

Литература

1. *Podoski K.* The Role and Tasks of Education in the Politic of Evolution of the Modern World. New York, 1973. 32 p.
2. *Edwards C.* Educational Change: from Traditional Education to Learning Communities. Lanham; United Kingdom, 2011. 201 p.
3. Education: Thinking Through, Pedagogical Possibilities / eds C.Sefa Dei, M. Simmons. New York, 2010. 192 p.
4. Social Network Theory and Educational Change / ed. by A. Daly. Cambridge, 2010. 330 p.
5. *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
6. *Тоффлер А.* Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. М., 1991.
7. *Хайман Д. Н.* Современная микроэкономика: анализ и применение: в 2 т. Т. 2 / пер. с англ. М.: Финансы и статистика, 1992. С. 298.
8. *Путин В. В.* Социальная справедливость. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 13.01.2012.
9. Российская федерация сегодня. 2011. № 2.
10. Knowledge Workers in the Information Society / eds C. Mc. Kerster, V. Mosco. Lanham, 2007. 325 p.
11. *Ralston S.* Play your Best Hand: How to Manage the four Types of Knowledge Workers and Stack the Odds for Maximum Success. Avon; Mass., 2007. 200 p.
12. *Dickman A., Schwabe A., Schmidt S.* Preparing the Future Workforce: Science, Technology, Engineering and Math Policy in Education. New York, 2011. 210 p.
13. *Zhang X., Zhang S.* Social Capital: an Alternative Model to College Graduation. Tallahassee, 2010.
14. *Сторчевой М.* Новая модель человека для экономической науки // Вопросы науки. 2011. № 4.
15. *Драганчук Л. С.* Образование и развитие человеческого капитала в России // Проблемы современной экономики. 2011. № 1. С. 50–53.
16. *Бузмакова М. В.* Социальная инфраструктура — важнейшее звено национальной экономики России // Проблемы современной экономики. 2011. № 1. С. 63–65.
17. *Иванов О. И., Иванов С. А., Шматко А. Д.* Формирование инновационной составляющей человеческого потенциала экономики Северо-Запада РФ // Проблемы современной экономики. 2011. № 1. С. 209–213.
18. *Сюн Цимень.* Как в Китае реформировали образование // Ведомости. 4.10.2011.
19. Ведомости. 24.10.2011.
20. Ведомости. 10.04.2012.
21. Ведомости. 3.10.2011.
22. *Bray M.* Confronting the Shadow Education System. New York, 2012.
23. Российская газета. 19.05.2012.
24. ИТАР-ТАСС. 04.08.2011.
25. *Жук А.* «Диссертационная ловушка» на пути к построению инновационной экономики // Вопросы экономики. 2011. № 9.
26. *Халин В. Г.* Модернизация национальной системы высшего образования в контексте выбора управленческих решений. СПб., 2008.
27. *Мулдахметов З.* Межгосударственное сотрудничество вузов в области дистанционных образовательных технологий // Экономические стратегии. 2011. № 10.
28. Academic and Educational Development: Research, Evaluation and Changing Practice in Higher Education / eds R. Macdonald, S. Wisdom. London, 2002. 239 p.
29. American Higher Education in the 21 century: Social, Political and Economic Challenges / eds P. Altbach, P. Gupmurt, R. Berdahl. Baltimore, 2011. 511 p.

30. *Guriiz K.* Higher Education and Internet Student Mobility in the Global Knowledge Economy. Albany, 2011. 441 p.
31. *Parker K., Lengart A., Moore K.* The Digital Revolution and Higher Education: Value of Online Learning. Washington, 2011. 20 p.
32. Higher Education, Policy and the Global Competition Phenomenon / eds L. Portnoi, V. Rust, S. Bagley. New York, 2010. 266 p.
33. Second International Handbook of Educational Change / eds A. Hargreaves et al. London, 2012.
34. *Noodhall M.* Cost-benefit Analysis in Educational Planning. 4 th ed. Paris: UNESCO, 2004. 129 p.
35. *Lawton S.* Educational Finance and School Choice in the United States and Canada. New York, 2001. 24 p.
36. *Middaugh M.* Planning and Assessment in Higher Education: Demonstrating Institutional Effectiveness. San Francisco, 2010. 240 p.
37. *Ta-Ngoc C.* Demographic Aspects of Educational Planning. Bariu: UNESCO, 2003. 113 p.
38. *Scheerens J.* Improving School Effectiveness: Fundamentals of Educational Planning. New York, 2000. 141 p.
39. *Bernhard A.* Quality Assurance in an International Higher Education Area: a Case Study Approach and Comparative Analysis. Wiesbaden, 2012.
40. *Wheller D.* Servant Leadership for Higher Education: Principles and Practices. San Francisco, 2012.
41. Accountability in Higher Education: Global Perspectives on Trust and Power / eds D. Stensaher, L. Harvey. New York, 2011. 270 p.
42. *Collins C.* Higher Education and Global Poverty: University Partnerships. Amherst. New York, 2011. 222 p.
43. Recognizing and Serving Low-income Students in Higher Education: an Examination of Institutional Polices and Culture. New York, 2011. 266 p.
44. Wall Street journal. 21.03.2012.
45. Gender and Higher Education / ed. by B. Bank. Baltimore, 2011. 434 p.
46. Reinventing Higher Education: the Promise of Innovation / eds B. Wildavsky, A. Helly, K. Carey. Cambridge, 2011. 288 p.
47. *Cote J., Allahar A.* Lowering Higher Education: the Rise of Corporate Universities and the Fall of Liberal Education. Toronto, 2011. 243 p.
48. *Harland T., Pickering N.* Values in Higher Education Teaching. London, 2011. 127 p.
49. *Kettunen S.* Strategy and Quality Maps in Higher Education. New York, 2011.
50. Higher Education and the Market / ed. by R. Brown. New York, 2011. 231 p.
51. *Kretovics M.* Business Practices in Higher Education: a Guide for Today's Administrators. New York, 2011. 243 p.
52. *Bates A., Sangra A.* Managing Technology in Higher Education: Strategies for Transforming Teaching and Learning. San Francisco, 2011. 262 p.
53. Changing Governance and Management in Higher Education: the Perspectives of the Academy / eds W. Locke, W. Cummings, D. Fisher. New York, 2011. 390 p.
54. *Barr M., McCleddan G.* Budgets and Financial Management in Higher Education. San Francisco, 2011. 206 p.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2012 г.